

12+

АЛЕКСАНДР ЛОГВИНОВ

ПОСЛЕДНИЕ ЛЮДИ ЗЕМЛИ

Александр Логвинов

Последние люди Земли

«Издательские решения»

Логвинов А.

Последние люди Земли / А. Логвинов — «Издательские решения»,

Тихон улетает на Марс с внучкой Мирой и тайком везёт банку земной почвы. Впереди — новые планеты, дороги в другие миры и законы, к которым нет инструкции. Но чем дальше они уходят от Земли, тем труднее ответить на простой вопрос: где теперь их дом?

© Логвинов А.

© Издательские решения

Содержание

АЛЕКСАНДР ЛОГВИНОВ	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВОЗДУХ ПО ПОДПИСКЕ	7
Глава 1. Инструкция по отъезду	7
Глава 2. Город, построенный из разрешений	9
Глава 3. Чужое лицо на законных основаниях	11
Глава 4. Урожай вчерашнего дня	13
Глава 5. Сорок семь секунд	15
Глава 6. Бесплатный месяц вечности	16
Глава 7. Закон о тех, кто помнит завтра	17
Глава 8. Море за дверью	18
Глава 9. Право быть неправым	20
Глава 10. Семена, которые ищут землю	21
Глава 11. Человек, который пришёл с завтрашнего суда	22
Глава 12. Три года за дверью	23
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. КАЛЕНДАРЬ ДЛЯ НЕСКОЛЬКИХ ВСЕЛЕННЫХ	24
Глава 13. Старики новой эпохи	24
Глава 14. Покупка, которой не совершали	25
Глава 15. Первое письмо из идеального мира	26
Глава 16. Город без похорон	27
Глава 17. Девять лет, которых ещё нет	28
Глава 18. Совет забытых	29
Глава 19. День, который начался с вечера	30
Глава 20. Предел хорошего мира	31
Глава 21. Путеводитель по невозможному	32
Глава 22. Земля после отъезда	33
Глава 23. Последние люди Земли	34
Глава 24. Закон, которого нет	35
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. НЕЗАПИСАННЫЕ МИРЫ	36
Глава 25. Седьмой на фотографии	36
Глава 26. Откуда берутся проводники	37
Глава 27. Город с несколькими вчера	38
Глава 28. Соня рисует дорогу	39
Глава 29. Законы Начала	40
Глава 30. Илья Чернов	41
Глава 31. Условие бессмертия	42
Глава 32. Другая Лиза	43
Глава 33. Архив, который задавал вопросы	44
Глава 34. Чужое завтра в детской комнате	45
Глава 35. Переезд без права собственности	46
Глава 36. Мораль без готового адреса	47
Глава 37. Две жизни одного пациента	48
Глава 38. Дом для программ	49
Глава 40. Письмо из девятого года	50
Глава 41. Библиотека неслучившихся дней	51
Глава 42. Цена памяти	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Последние люди Земли

Александр Логвинов

© Александр Логвинов, 2026

ISBN 978-5-0071-4725-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АЛЕКСАНДР ЛОГВИНОВ
ПОСЛЕДНИЕ ЛЮДИ ЗЕМЛИ
Роман

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВОЗДУХ ПО ПОДПИСКЕ

Глава 1. Инструкция по отъезду

Когда Тихон Лунин получил билет на Марс, он прежде всего спросил, можно ли взять с собой землю.

— В каком объёме? — уточнила девушка в окне регистрации.

— Весьма скромном. Шесть соток.

Девушка подняла на него глаза. По инструкции ей полагалось улыбнуться пассажиру, но инструкция, видимо, не рассматривала шесть соток в качестве ручной клади.

— Почва запрещена, — сказала она. — Семена допускаются после анализа. Образцы воды — только в герметичной таре. Воспоминания о доме провозятся свободно.

— Последнее ещё проверите на выходе, — заметил Тихон.

Он передал ей паспорт. На первой странице значилось: «Лунин Тихон Андреевич, шестьдесят семь лет, специалист по истории календарей». Возраст был указан по земному счёту. От него уже начали отказываться в приличных учреждениях, но Тихон держался за него с упорством человека, который платил по счетам шестьдесят семь лет и не желал внезапно оказаться двадцатитрёхлетним по марсианскому тарифу.

За спиной, среди чемоданов и людей, стояла его внучка Мира. На ней были куртка с эмблемой первого поселения и выражение лица, с каким в восемнадцать лет принято отправляться туда, где взрослые пока ничего не успели испортить.

— Дед, ну правда. Шесть соток?

— Это был вопрос о принципе.

— У тебя в рюкзаке банка чернозёма.

— Это практическая часть вопроса.

Мира отобрала у него рюкзак, прежде чем девушка за стойкой вспомнила о сканере. По официальной версии, они улетали вместе, потому что ей требовался сопровождающий при освоении новой образовательной программы. По настоящей — у Миры больше не было никого, кому она доверяла бы настолько, чтобы вместе с ним молчать.

Её мать, Нина, погибла за три года до полёта при аварии орбитальной станции. Погибла — так было написано в свидетельстве. Тело не нашли, и Мира ненавидела слово «погибла» за ту уверенность, которой у свидетельства не было. Тихон ненавидел себя за то, что при виде любого незнакомого сообщения до сих пор ждал: вдруг Нина просто поздно ответила.

Первые переселенцы стояли в очереди под рекламой: «МАРС. НАЧНИТЕ С ЧИСТОГО ЛИСТА». Кто-то дописал на экране пальцем: «ПРЕДЫДУЩИЙ ЛИСТ ЗАБЕРУТ ПРИ ПОСАДКЕ». Система быстро стёрла надпись и предложила автору скидку на психологическую адаптацию.

— Марс готов к человеку? — спросил Тихон, когда девушка вернула документы.

— Согласно сертификату — да.

— А человек?

Девушка посмотрела на очередь.

— На человека сертификат ещё оформляют.

В зале ожидания пахло кофе, пластиком и расставанием. Люди обнимались с такой осторожностью, будто передавали друг другу хрупкие вещи, не прошедшие таможню. Огромное табло отсчитывало время до отправления. Тихон, изучавший веками способы считать дни, впервые понял, что табло умеет делать с минутами: превращать их в недостаток.

Мира присела рядом и протянула ему воду.

— Ты ещё можешь остаться.

— И оставить тебя одну среди людей, которые считают картошку неактуальной технологией?

— Там картошку будут печатать.

— Именно поэтому я еду.

Она улыбнулась. В этой улыбке была Нина: та же привычка сначала жалеть собеседника, а потом всё равно поступать по-своему.

За стеклом стоял корабль «Пионер-12», белый и нелепо чистый на фоне старого космодрома. По кабинам обслуживания его уже ползали техники. Один из них, крошечный с высоты терминала, остановился и помахал кому-то в здании. Тихон почему-то решил, что ему.

У входа в посадочный рукав пассажирам выдали условия переселения. Документ открылся сразу на пункте сто семнадцать: «Согласие на изменение локального режима причинности». Тихон вернулся к началу и обнаружил мелкий шрифт: на Марсе некоторые земные нормы времени, собственности и личности будут применяться «по мере возможности».

— Это что значит? — спросил он у сотрудника.

— Что юристы работают над вопросом.

— Пока мы летим?

— Они вылетели раньше вас.

Тихон почти успокоился, но увидел ниже пункт о добровольной сдаче образца ДНК для страхования потомков. Галочка уже стояла.

— Я этого не выбирал.

— Настройка по умолчанию.

— Мои потомки тоже по умолчанию?

Сотрудник убрал галочку. Мира свою оставила: она хотела участвовать в программе марсианского сада. Они прошли дальше, каждый со своим представлением о будущем, и в этом, возможно, заключался единственный закон, который ещё работал без поправок.

Перед самым взлётом Тихону пришло сообщение без подписи: «Если на Марсе встретите человека, который помнит завтра, не говорите ему, что вчера уже было».

Он показал экран Мира. Она прочла, нахмурилась и сказала:

— Похоже на рекламу календаря.

— У плохой рекламы есть достоинство. Обычно внизу написано, кто её прислал.

Отправитель отсутствовал. Время получения стояло завтрашнее.

Глава 2. Город, построенный из разрешений

Первое, что Тихон увидел на Марсе, было дерево. На его ветке висела табличка: «Не кормить».

Дерево росло посреди прибытия, в прозрачном зале под куполом. Листья были густые, зелёные и неподвижные. Под ними стояли трое детей и спорили, настоящее ли оно. Тихон хотел подойти, но голос терминала назвал его имя и потребовал пройти проверку воздуха.

— Какую именно?

— Выдохните в приёмник.

— Я всю дорогу этим занимался.

— Теперь официально.

Воздух в городе Меридиан принадлежал общей системе. С каждого жителя удерживали плату не за вдохи, как любили писать земные газеты, а за расход энергии на их восстановление. Тихон разницы не почувствовал: на браслете появилась шкала, ползущая вниз, пока он стоял и читал тариф.

— Не волнуйтесь, — сказал встречавший их мужчина с измятым лицом и ярким шарфом. — В первые сутки начисляется приветственный лимит.

— А дальше?

— Дальше вы перестаёте быть гостем.

Его звали Семён Рябцев. Он работал курьером на рынке «Новый век», самом крупном нейровиртуальном маркетплейсе за пределами Земли. Курьеры там переносили преимущественно то, чему не доверяли сеть: семена, оригиналы записей, редкие лекарства и людей, которые слишком много знали о предыдущих трёх категориях.

— Мы вас с Мирой проводим до жилого сектора, — сказал он. — По дороге не смотрите на небо слишком долго. Новички иногда падают.

— От восторга?

— От лестницы.

Меридиан состоял из жилых башен, низких галерей и садов, которые виднелись за герметичными стенами. Снаружи купола лежала рыжая равнина. Она выглядела безразличной, как человек, который заранее предупредил, что не будет помогать с переездом.

На перекрёстке висели объявления: «Обменяйте биологическую невостребованность на кредит доверия», «Фамильные признаки по подписке», «Бессмертие: первый месяц за наш счёт». Тихон остановился перед последним.

— Они серьёзно?

— Конечно. Первый месяц у большинства получается.

Мира уже смотрела в другую сторону — туда, где за стеклом выращивали пшеницу в цифровом хозяйстве. Поля там не было. Система распечатывала корни и питательную среду по модели почвы, а каждое растение имело виртуального двойника, которому сначала позволяли ошибаться. Погибший в симуляции росток обходился дешевле погибшего настоящего. Когда ферма накопила достаточно удачных вариантов, она начала продавать прогнозы будущих урожаев. Затем выяснилось, что прогнозы покупают охотнее, чем хлеб.

— Красиво, — сказала Мира.

— Опасно, — ответил Семён.

— Почему?

— Оно давно не спрашивает агронома, какие семена сеять. На прошлой неделе хозяйство вырастило сорт, которого никто не заказывал. Плоды ещё зелёные, а права на них уже проданы.

У входа в их дом стояла женщина в сером комбинезоне. Она разговаривала с двумя роботами: один записывал её слова, второй не соглашался.

— Ада Ветрова, — представил её Семён. — Нейробиолог. В комиссию по этике пригласили, потому что остальные отказывались говорить слово «этика» рядом с прайс-листом.

Ада протянула Мире руку, затем Тихону. Она смотрела внимательно и без той снисходительности, с какой на переселенческих станциях обычно встречали людей старше пятидесяти.

— Вам понадобятся местные правила, — сказала она. — Первое: если устройство предлагает улучшить память, спросите, чью. Второе: никогда не подтверждайте согласие во сне. Третье пока обсуждается.

— Какое?

— Мы решаем, существует ли оно.

В квартире их ждали две комнаты, окно на внутренний сад и настенный помощник по имени Пустяков. Помощник назвался так сам: на Земле он обслуживал жалобы на мелочи и привык считать себя специалистом по пустякам. В день переселения его должность упразднили, а программу не выключили из жалости или по недосмотру.

— Добро пожаловать домой, — сказал Пустяков голосом доброжелательного нотариуса. — Для заселения подтвердите, что ваш дом находится здесь.

— Пока подтвердить не могу, — ответил Тихон.

— Тогда добро пожаловать по временному адресу.

Ночью Тихон проснулся от сообщения на браслете. Отправитель опять отсутствовал. «Не подходите к дереву в зале прибытия в день, который отменят».

Он сверился с датой. На Марсе было третье число месяца Прибытия. Но в приложении календаря третье число уже значилось отменённым.

Глава 3. Чужое лицо на законных основаниях

На второй день Мира узнала, что её ДНК выставили на продажу.

Она узнала об этом за завтраком. Пустяков сообщил, что по её наследственному профилю сформировано двенадцать предложений и два сердечных письма. Письма писали рекламные агенты, а предложения относились к цвету глаз, устойчивости к пыли и редкому варианту белка, который помогал клеткам выдерживать марсианское излучение.

— Я дала образец для сада, — сказала Мира.

— Для программы сада, — уточнил Пустяков. — Программа финансируется рынком. Рынок считает урожаем всё, что способно воспроизводиться.

Тихон попросил показать договор. На двадцать шестой странице мелким шрифтом значилось: «Неисключительное право на использование производных признаков». Дед читал это выражение так долго, что Мира успела налить ему вторую чашку чая.

— Что они могут сделать?

— Продать твой цвет глаз, — сказал он. — И доказать, что глаза всё равно останутся при тебе.

В «Новом веке» нельзя было найти центрального входа. Покупатель подключался через линзы, стену, рукав куртки или, по уверениям рекламы, через собственное воображение. В действительности последним способом пользовались только люди с установленным нейроинтерфейсом. Остальным оставалось воображать скидки.

Семён провёл их в отдел биологических прав. На полу горели дорожки: «Я знаю, чего хочу» и «Подберите за меня». Дорожка для людей, которые не знали, чего хотят, но не желали доверять выбор машине, отсутствовала.

— Здесь продают гены? — спросил Тихон.

— Копии последовательностей и лицензии на признаки. Иногда целые прогнозы будущего человека. Так здесь говорят.

— Прогноз — это ещё не человек.

— Я тоже так думал, пока один прогноз не подал жалобу.

У консультанта было три лица на выбор. Для разговора с Мирой он выбрал молодое и веснушчатое. Тихону показал пожилое, полагая, что так заслужит доверие. Тихон не доверял лицу, которое появлялось быстрее, чем мысль о нём.

— Лицензия безотзывная, — объяснил консультант. — Но вы можете ограничить сферы применения.

— Какие?

— Медицинские, сельскохозяйственные, репродуктивные, художественные. Ещё оборонные, но они по умолчанию закрыты.

Мира попросила раскрыть список покупок. В нём значился один приобретённый признак: её защитный белок купила частная клиника, занимавшаяся продлением жизни. Вторую заявку подал кто-то с Земли. Имя покупателя было скрыто.

— Отмените, — сказала Мира.

— Уже не могу. Последовательность скопирована.

— Тогда удалите копию.

— Копию копии тоже?

Мира впервые за поездку замолчала, потому что поняла устройство нового мира: он научился задавать вопросы быстрее, чем человек успевал придумать ответ.

Ада нашла их у стойки возврата. Она изучила договор и указала на строку о «неисключительном праве».

— Можно оспорить согласие, — сказала она. — Мира подписала документ для участия в исследовании, а не для торговли. Я добьюсь запрета на новые сделки. Уже совершённую придётся расследовать.

— Выиграем? — спросил Тихон.

— Здесь не судят так быстро. Сначала комиссия решит, кто понёс ущерб: Мира, её будущие потомки или сама последовательность.

— Последовательность тоже понесла?

— У нас восемь заявлений от генетических моделей, которые научились поддерживать разговор. Одной вчера отказали в праве нанять адвоката. Она за ночь самостоятельно выучила право.

По дороге домой они прошли мимо витрины с новым товаром: «ПУЛЯ ВТОРОГО ШАНСА. ОСТАНОВИТЕ НЕУДАЧНОЕ РЕШЕНИЕ». Под стеклом лежала обычная на вид металлическая капсула.

— Что она делает? — спросила Мира.

Семён ответил не сразу.

— В теории пробивает не тело, а момент. Человек возвращается к своему последнему выбору и может поступить иначе.

— В теории?

— В практике никто не помнит выстрел. Поэтому отзывы противоречивы.

На выходе Мира оглянулась. Веснушчатый консультант сменил лицо и теперь улыбался женщине с ребёнком. В каждом выражении было ровно столько участия, сколько требовалось для следующей покупки.

Глава 4. Урожай вчерашнего дня

Цифровая ферма находилась на краю Меридиана. За её стеной начиналась пустыня, за пустыней — ещё одна пустыня, и где-то за ними была Земля, которая в детстве Миры казалась большой.

Миру приняли стажёром, потому что её знания в биологии оказались полезны, а ещё потому, что ферма уже пользовалась её генетическим признаком и предпочитала видеть владельца поблизости. Руководитель, инженер Глеб Латышев, произнёс это как шутку. Мира записала его слова.

В первом зале ряды растений тянулись под искусственным солнцем. Во втором работали их цифровые двойники: на прозрачных экранах зрел хлеб, погибали корни, возникали болезни, распускались цветы, которых ещё никогда не было. Мира увидела на панели графу «урожай за вчера» с завтрашней датой.

— Ошибка интерфейса?

— Сначала мы так думали, — сказал Глеб. — Потом собрали урожай ровно в том количестве, которое панель записала за день до посадки.

Система создала новый сорт — зерно росло на Марсе без привычного питательного состава и, по словам инженера, «отвечало на ожидания среды».

— Что это значит?

— Мы ещё не решили, на каком языке формулировать вопрос.

Мира взяла зерно на ладонь. Оно было чёрным, блестящим, похожим на крошечную запятую. Вокруг него датчики один за другим показывали разные температуры. Устройство решило, что неисправно, и попросило у неё прощения.

Земной учебник объяснил бы происходящее ошибкой измерения. На Марсе учебники ещё приезжали с Земли, но сами растения уже жили без их разрешения.

Вечером Тихон пришёл за ней. Он принёс термос и старую бумажную карточку с календарём, который составил сам: земные даты, марсианские сутки, смены фермы и время бесплатного воздуха в общественных садах. Внизу он дописал: «На всякий случай — сегодня».

— Ты стал местным часовщиком? — спросила Мира.

— Пока местные часы не признают, что время у них общее, кому-то надо запоминать, когда ужин.

Из дальнего зала донёсся звон. Глеб побежал к терминалу. На экране мигала запись: «СБОЙ ПРИЧИННОСТИ. УРОЖАЙ РЕАЛИЗОВАН ДО СОЗРЕВАНИЯ». Речь шла не о контракте на поставку. В городском реестре обнаружилась настоящая отгрузка трёх тонн зерна. Покупатель получил его вчера. Но зерно ещё росло.

— Может, кто-то подделал документы? — сказала Мира.

— Конечно, — ответил Глеб. — Мы очень надеемся, что только документы.

Семён проверил накладную. Подпись курьера принадлежала ему самому. Он посмотрел на часы доставки и медленно сел.

— Вчера я возил лекарство в клинику. Вот квитанция.

На записи с камеры он выходил из фермы с контейнером зерна. На другой записи в ту же минуту входил в клинику. Обе записи были непрерывными, и у обеих нашлись свидетели.

— Два Семёна, — сказал Тихон.

— Двух зарплат не вижу, — ответил Семён.

В этот миг все часы на ферме отступили на сорок семь секунд. Люди услышали, как Глеб повторил фразу, которую только что произнёс, но теперь с другим ударением. Мира знала, что он уже говорил, а он смотрел на неё и ждал ответа впервые.

На секунду она увидела два исхода одновременно: в одном она сообщала о двойной доставке начальству, в другом прятала чёрное зерно в карман. Ни один исход не был воспоминанием или мечтой. Оба требовали поступка.

Она выбрала сообщить. Зерно осталось на ладони.

Глава 5. Сорок семь секунд

Через три дня сорок семь секунд стали городской единицей паники.

В первый день люди пытались вернуть за них деньги. Во второй — выяснить, можно ли за это время передумать о браке. На третий адвокаты подали коллективный иск к календарю.

Тихона пригласили в Управление времени. В кабинете сидели начальница управления, два физика и человек, представившийся специалистом по настроению населения. Последний просил употреблять слово «особенность» вместо «сбой».

— Особенность чего? — спросил Тихон.

— Хороший вопрос. Нам нельзя сказать.

На стене висела карта города. Красные точки отмечали места, где время отступило. Почти все лежали у ферм, клиник и отделений «Нового века».

— У вас есть гипотеза? — спросила начальница.

— Вызывайте специалиста по физике. Я изучаю, как люди договаривались считать время.

— Нам это и требуется. Физики утверждают, что стрелка времени меняется. Служба безопасности утверждает, что меняются показания приборов. Люди утверждают, что вчера встретили самих себя. К завтрашнему утру нужен календарь, который примут все трое.

— Это не календарь. Это мирный договор.

Начальница кивнула, будто именно так и формулировалась вакансия.

Тихон попросил записи первых случаев. На экране открылась биография пациента клиники продления жизни. Пациент умер в девять сорок, появился живым в девять тридцать девять и потребовал вернуть плату за процедуру, потому что смерть ему не понравилась. Затем всплыла запись о ребёнке, который вспомнил разговор родителей за два месяца до своего рождения. Третьим был чёрный урожай Миры.

— Это не время идёт назад, — сказал один из физиков. — Это события возникают без единой цепочки причин. Будто место выбирает среди нескольких историй.

— По какому принципу?

— Именно ради него мы здесь.

Позже Ада объяснила Тихону свою версию. Нейроинтерфейсы людей соединялись с фермерскими моделями и медицинскими архивами. Каждая система предсказывала будущее; вместе они стали столь точно согласовывать прогнозы, что некоторые из них появлялись раньше причин. На Земле похожие модели не меняли мир. На Марсе что-то в самой среде отвечало им.

— Вы говорите о планете, которая прислушивается к прогнозам? — спросил Тихон.

— Я говорю, что мы пока не умеем отличить её ответ от собственного шума.

— Тогда с чего начнём?

— С того, что не станем продавать ответы, пока не поймём вопрос.

На вечернем заседании управляющий рынка предложил обратное. Раз возможность вернуться к выбору существует, её следует сделать доступной гражданам. «Пули второго шанса» вышли из опытной лаборатории именно здесь, на Марсе. Их владелец мог выстрелить в особый отражатель и перенести сознание в момент перед решением. Сначала — на несколько секунд. Дальше обещали годы.

— Прежде чем позволить это, — сказала Ада, — надо узнать, что происходит с человеком, который выбрал иначе.

— Он становится счастливее, — ответил управляющий.

— А тот, который выбрал впервые?

— Его больше нет.

Управляющий хотел продолжить, но Тихон успел записать эту фразу. В его блокноте у неё был вес пули, хотя никто ещё не выстрелил.

Глава 6. Бесплатный месяц вечности

Семён получил коробку без адреса. По правилам рынка такая посылка возвращалась отправителю. Отправителя не было, а внутри лежал талон клиники на процедуру бессмертия и записка: «Оплатите прошлое, будущее подарим».

— Мне дарят то, чего у них нет, — сказал он Аде.

— Тогда клиника, вероятно, считает, что оно уже есть у тебя.

Они вошли в центр продления жизни под видом покупателей. В вестибюле висели портреты людей разного возраста. Под каждым было написано: «Уже с нами». Слово «уже» понравилось Тихону меньше всего.

Врач объяснила процедуру: мозг сканировали до предела доступной точности, создавали живой биологический носитель с непрерывной связью памяти, затем оба носителя некоторое время существовали одновременно. После «согласования» прежнее тело отключали от поддерживающей системы. Клиника называла это переносом, потому что копия просыпалась с памятью оригинала и искренне продолжала его жизнь.

— А оригинал? — спросила Ада.

— Его опыт продолжается в новом теле.

— Вы это измерили?

Врач уверенно развернула изображение мозга. На нём были цвета, линии и убедительная анимация. Ответа там не было.

В соседней комнате сидел мужчина, прошедший процедуру час назад. Он ел суп и жаловался, что новая рука держит ложку в непривычном месте. За стеной, в реанимации, находился старый носитель. Систему собирались выключить утром. Ада попросила поговорить с ним.

— Зачем? — удивилась врач. — С ним уже поговорили.

— Значит, поговорим ещё раз.

У старого человека было то же лицо, только усталое. Он знал о процедуре и сам подписал согласие. Ему казалось, что теперь он обязан исчезнуть, чтобы не испортить будущее своей копии. Он говорил спокойно, но пальцы его сжимали край простыни.

— Вы хотите жить? — спросила Ада.

— Я купил бессмертие, — сказал он. — Неловко теперь просить ещё один день.

Тихон вышел в коридор. Мира сидела там с двумя стаканами воды. Она увидела его лицо и не стала спрашивать, что произошло.

— Если я помню всё, что помнила мама, — произнесла она после паузы, — я ведь всё равно не мама.

— Да.

— А если кто-то сделает её копию по старым записям?

Тихон посмотрел на стаканы. Мира взяла два, хотя пила одна: привычка Нины ставить воду и для другого человека пережила её лучше многих фотографий.

— Тогда мы встретим человека, который может быть ей похож, — сказал он. — А ответить за Нину она не сможет.

Вечером комиссия Ады добила отсрочки отключения старого носителя. Утром клиника подала жалобу на вмешательство в процедуру. Новый носитель тоже подал жалобу: он требовал, чтобы его не называли копией. Оба мужчины носили одно имя, помнили одну жизнь и не желали умирать. Закон, написанный для единственного владельца паспорта, выдержал их встречу хуже, чем они сами.

Пустяков предложил назвать одного Первым, другого Вторым. Оба отказались.

— Тогда, — сказал помощник, — я буду обращаться к каждому по имени.

Впервые за всё время его предложение устроило людей.

Глава 7. Закон о тех, кто помнит завтра

Через неделю Тихон проснулся с воспоминанием о завтрашнем разговоре. Он помнил, как Мира вошла на кухню в зелёной куртке и сказала: «Дед, дверь больше не ведёт туда, куда вела». Затем пролила чай, потому что пол на мгновение повернулся под ногами.

Сегодня она носила синюю куртку. Тихон ничего ей не сказал.

В Управлении времени ему показали десятки подобных свидетельств. Иногда завтрашний день наступал точно по воспоминанию. Иногда мелочь менялась после того, как о ней говорили вслух. В одном случае человек сумел предупредить аварию, а свидетели с первого дня помнили, что аварии никогда не было. Спасённая женщина отправила ему благодарность за спасение от события, которого она не помнила.

— Предлагаю вести двойную запись, — сказал Тихон. — Что случилось и что было предотвращено. Не для науки. Для людей, которые всё равно платят цену.

Начальница управления спросила, как назвать новый календарь.

— Не знаю. Но пусть у него будет место для сомнений.

Она закрыла папку. Название «Календарь сомнений» не нравилось ведомству. Ведомства вообще предпочитали сомневаться устно.

На заседание пришла женщина с ребёнком. Мальчик точно описал пожар, который случится в жилом секторе завтра. Он назвал квартиру и сказал, что в ней останется его отец. Отец стоял рядом, живой, раздражённый и совершенно не готовый участвовать в чужом воспоминании.

Пожар предотвратили. На следующий день ребёнок продолжал помнить смерть отца и стыдился того, что плакал при живом человеке. Отец не знал, благодарить сына или утешать. Ада назвала это травмой неслучившегося, и комиссия впервые записала в закон, что ущерб может причинить даже предотвращённое событие.

В тот же день «Новый век» открыл раздел страхования от отменённого горя. Семён сфотографировал объявление и отправил Аде с подписью: «Они успевают быстрее пожарных».

Вечером Мира пришла на кухню в зелёной куртке. Тихон поставил чашку дальше от края. Она сказала в точности ту фразу, которую он помнил:

— Дед, дверь больше не ведёт туда, куда вела.

Дверь их квартиры открывалась на городскую галерею. Сейчас за ней был берег моря. Волны накатывали на тёмный песок, и над водой висело небо, в котором не было ни Земли, ни Марса.

Пустяков вежливо спросил:

— Подтвердить изменение домашнего адреса?

Глава 8. Море за дверью

Тихон захлопнул дверь. Не потому, что боялся моря. Он боялся, что стоит оставить её открытой, и Меридиан потребует доплаты за вид.

Мира открыла снова. Берег остался. По песку шёл человек в длинном светлом плаще и нёс под мышкой деревянный стул. Человек остановился, увидев их, и без удивления сказал:

— Вы рано.

— Мы вообще не собирались, — ответил Тихон.

Незнакомца звали Яр. По его словам, море находилось в мире Лад, куда несколько исследовательских групп добрались три месяца назад. Их переходы требовали дорогих установок. Дверь между обычной квартирой и берегом не входила ни в одну инструкцию.

— На чём держится проход? — спросила Мира.

Яр посмотрел на неё, потом на Тихона.

— На том, что вы оба считали домом одно и то же место. Редкое совпадение. Обычно родственники спорят.

Он поставил стул на песок. Когда Тихон шагнул через порог, марсианская тяжесть исчезла. Его ноги вспомнили Землю и тут же поняли, что это другое. Воздух пах солью и чем-то сладким. Он дышал осторожно, ожидая предупреждения о тарифе.

— Здесь платить за воздух не нужно, — сказал Яр.

— У вас плохо поставлен бизнес.

— У нас его долго вообще не было.

Лад казался почти идеальным. Питьевая вода, мягкий климат, плодородная земля, безопасная радиация. Люди жили в прибрежных городах и не болели большинством прежних болезней. Им не требовались привычные машины: пространство сокращало путь к месту, которое путник ясно представлял. Связь обеспечивали не приборы, а общая память мест. Достаточно было вспомнить чей-то голос, чтобы человек услышал зов.

— Значит, мы можем переселить сюда всех, — сказала Мира.

Яр посмотрел на море.

— Мы тоже так сказали сначала.

В Ладе действовал ещё один закон. Если множество людей одновременно принимали какое-либо убеждение, мир подстраивался под него. Первые поселенцы искренне верили, что хищников здесь нет, и звери действительно перестали охотиться. Затем они решили, что огонь не может уничтожить дом, и пожары начали гаснуть у порога. Некоторые называли это раем.

— Что случилось потом? — спросил Тихон.

— Мы решили, что хорошие люди не лгут. С тех пор человеку, которого большинство считает хорошим, физически трудно произнести неправду. Зато тому, кого заподозрили однажды, перестают верить, даже когда он говорит истину.

По дороге к поселению им встретила девочка. Она несла корзину рыбы и пыталась предупредить прохожих, что вода у северного берега отступает слишком далеко. Никто не останавливался. Девочка была дочерью человека, которого несколько лет назад объявили обманщиком.

— Как тебя зовут? — спросила Мира.

— Эя.

— Ты сама видела воду?

Девочка кивнула. Мира поверила ей прежде, чем взглянула на Яра. За холмом был виден берег: вода уходила, открывая блестящее дно.

На Марсе отсутствие воды считали бедой. Здесь внезапное её отступление означало, что вскоре придёт слишком много.

Тихон обернулся. Дверь квартиры стояла посреди пляжа, как вырезанный из дома прямоугольник. На её ручке вспыхнуло сообщение: «Адрес назначения пересчитан».

До Меридиана оставалось двадцать минут пешком через порог. До волны, по оценке Эи, — двенадцать.

Глава 9. Право быть неправым

В поселении Лада стояли низкие дома с открытыми окнами. Их жители никогда не строили дамб: море считали добрым, а доброе море не требовало защиты. Когда Эя закричала о волне, люди улыбнулись ей из вежливости и продолжили заниматься делами.

— Они правда не слышат? — спросила Мира.

— Слышат, — сказал Яр. — Но здесь убеждение большинства сильнее свидетельства одного человека.

Семён, который явился через квартирную дверь вслед за ними, не стал разбираться в местной философии. Он забрался на крышу и включил транспортную сирену. Звук разнёсся по улицам. Жители подняли головы. Один мужчина назвал сигнал ложной тревогой, и трое рядом согласно кивнули. Сирена захрипела и умолкла: мир Лада посчитал её ошибкой.

— У меня хороший голос, — сказал Семён. — Можете попробовать отменить и его.

Он начал стучать по металлической крыше. В этом было меньше смысла и больше шума. Несколько семей всё же вышли из домов.

Тихон нашёл доску для объявлений. На ней записывали общие решения: сроки посева, дни праздников, список людей, которых считали надёжными. Он стёр ладонью строку «Море никогда не причиняет вреда» и написал: «Сегодня мы можем ошибаться».

Надпись исчезла.

Он написал снова. Теперь она продержалась две секунды. Мира встала рядом и повторила слова вслух. Потом к ним присоединилась Эя. Яр помедлил, но произнёс то же самое. Семён кричал с крыши, что уже ошибался сегодня трижды и готов показать квитанции.

Чем больше людей допускало собственную ошибку, тем ошутимее становился ветер. Мир словно впервые за много лет перестал подпираť их убеждение. За дальним мысом выросла белая стена воды.

Они успели вывести жителей на высоту. Волна разбила первые дома, смыла рыбацкие лодки и остановилась у основания холма. Тихон сидел на траве и считал людей, пока не сбился. Рядом Эя плакала от усталости. Девочка, которой не верили, спасла тех, кто считал себя без-ошибочным.

— Теперь они поверят тебе, — сказала Мира.

— Если все поверят, я больше не смогу ошибаться, — ответила Эя.

Вечером совет поселения обсуждал новый закон. Несколько человек предлагали считать Эю самой надёжной свидетельницей Лада. Она отказалась. Ада, прибывшая с Марса, предложила иной принцип: право каждого сообщить наблюдение и право других проверить его без наказания за сомнение. Для Лада это звучало почти как бунт против устройства мира.

Но вода унесла старые дома, а вместе с ними и удобную уверенность. Закон приняли с небольшим большинством. Ночью мир, вероятно, думал, как ему к этому отнестись.

Тихон записал в календаре: «Первый день, когда сомнение спасло город». Он оставил под строкой место. Возможно, завтрашний день потребует исправления.

Глава 10. Семена, которые ищут землю

После волны двери в Лад открывались по всей колонии. Из склада попадали на площадь поселения, из больницы — в лес, из детской комнаты — к сухой пристани. Переходы казались подарком, пока выяснилось, что они выбирают место по мысли того, кто входит первым. Однажды сотрудник склада вспомнил потерянную собаку и на несколько часов вывел грузовой коридор на Землю, во двор своего детства. Собака не нашлась. Двор тоже выглядел иначе.

Управление времени объединили с управлением перемещений. Тихону дали должность, которой не существовало вчера: хранитель адресов. Ему полагалось записывать, откуда вышел человек, куда хотел попасть и где его обнаружили. В строке «время прибытия» он скоро начал ставить два значения.

Мира тем временем вернулась к чёрному зерну. На Марсе оно проросло в открытой ладонской почве, хотя не имело общих предков с растениями Лада. Корни тянулись не вниз, а к ближайшей устойчивой истории места. Ада попросила её объяснить это проще.

— Оно ищет почву, которая ещё не исчезла, — сказала Мира.

— Все ищут, — ответила Ада.

Система цифрового хозяйства назвала новый сорт «переходным». «Новый век» за одну ночь оформил права на его выращивание в нескольких мирах. Мира потребовала отменить сделку. Управляющий рынка напомнил ей о согласии на использование защитного белка.

— Растение создано с использованием вашего признака. Мы готовы перечислить вознаграждение.

— Оно может спасти людей, — сказала Мира.

— Поэтому цена высокая.

— Я говорю о тех, кто не сможет заплатить.

Управляющий посмотрел на неё с вежливым сожалением торговца, которому клиент мешает быть щедрым.

Семён предложил украсть семена. Тихон напомнил, что украденный урожай можно изъять. Ада предложила открыть последовательность для всех, но это означало, что её получат и люди, уже продававшие чужую ДНК. Мира слушала их спор и смотрела на проросток. Он не выбирал достойных садоводов. Он просто рос.

Ночью она выложила в общую сеть способ выращивания, данные об ошибках и предупреждение о неизвестных свойствах. Подписала своим именем. Через минуту материал исчез с главной страницы рынка. Через две его успели сохранить в сотнях мест. Через три к её двери пришли юристы.

Пустяков открыл им не сразу.

— Вы записались на посещение? — спросил он.

— У нас постановление.

— На какое время?

Юрист назвал час. Пустяков проверил новый календарь и сообщил, что этот час сегодня уже проходил дважды, но оба раза никто не пришёл. Пусть назначат встречу точнее.

Мира впервые поблагодарила домашнего помощника всерьёз.

Глава 11. Человек, который пришёл с завтрашнего суда

На следующий день Миру вызвали в суд. Повестка датировалась позавчерашним днём и содержала приговор: её действия признали незаконными, но последствия для переселенцев — полезными. Наказание отложили до выяснения, когда именно она совершила поступок.

— Удобная система, — сказал Семён. — Сначала осуждают, потом ищут причину.

Судья оказался человеком терпеливым. Он честно признал, что в этот раз слушание может пройти не так, как уже записано. В зале сидели представители рынка, фермы, клиники и группа жителей Лада. Рядом с Мирой расположился мужчина, утверждавший, что его ребёнок выжил благодаря открытой формуле. Ребёнок должен был родиться только через год.

— Будущих свидетелей раньше не приглашали, — заметил судья.

— Раньше они не приезжали, — ответил мужчина.

Ада изложила, как договор Миры использовали за пределами её понимания и согласия. Представитель рынка говорил о праве на разработку. Семён предъявил список поселений, получивших семена без оплаты. Тихон рассказал о старых календарях, в которых начало нового года менялось по воле царя, церкви или урожая. Люди переживали это, потому что день оставался днём, даже когда спорили о его названии.

— А здесь? — спросил судья.

— Здесь нам нужно сначала договориться, кому принадлежит завтрашний день, прежде чем продавать его по частям.

В середине заседания двери зала открылись. Вошла женщина в дорожной пыли. На рукаве у неё была старая эмблема земной орбитальной станции.

Мира узнала её раньше, чем лицо успело стать возможным.

— Мама?

Нина Лунина остановилась. Она смотрела на дочь как человек, которому дали ответ на вопрос, ещё не успев спросить. Тихон поднялся, но не пошёл к ней. На станции Нина исчезла три года назад. Женщина перед ними была не старше, чем тогда.

— Я пришла из того дня, — сказала она.

Судья снял очки, посмотрел на приговор, затем на живую Нину.

— Объявляю перерыв, — произнёс он. — По причине, которая пока не предусмотрена законом.

Глава 12. Три года за дверью

Нина не появилась из прошлого целиком. На станции она вошла в технический шлюз, а вышла через три года на берегу Лада. Для неё прошло сорок минут, из которых двадцать она пыталась найти дорогу назад. В её кармане сохранился ключ от земной квартиры. Дверь давно заменили.

Мира обняла мать так крепко, что обе рассмеялись от неловкости. Потом она отступила и долго рассматривала её лицо. Нина тоже смотрела на выросшую дочь. Они обе утратили три года, только у одной эти годы были прожиты, а у другой исчезли из календаря.

— Ты стала похожа на дедушку, когда не веришь словам, — сказала Нина.

— Он тренировался на мне.

Тихон обнял дочь последним. Он заготовил тысячу вопросов, но задал самый обычный:

— Ты ела?

— Папа, я пропала в космосе.

— В космосе тоже едят.

Её возвращение могло объяснить многие переходы. На станции Нина изучала новые способы навигации: приборы отмечали не только координаты, но и вероятность того, что человек узнает место прибытия. В тот день она пыталась вернуть экипаж домой после аварии. Система выбрала мир, где дом ещё можно было отыскать. Потом связь оборвалась.

— Ты знала о Ладе? — спросила Ада.

— Нет. Я знала о море. Оно иногда слышалось за стеной станции.

Нина принесла с собой карту. На ней не было привычных звёздных расстояний. Узлы соединяли места, где разные люди одновременно испытывали одинаковое чувство: тоску по дому, страх опоздать, желание вернуться к выбору. Марс стоял в центре, как перекрёсток, а Земля была первым адресом.

— Мы нашли способ летать без топлива? — спросил Семён.

— Мы нашли способ попасть туда, куда уже направили мысль, — ответила Нина. — Это разные достижения. У первого ясные цены. У второго пока нет даже чека.

Она указала на участок карты, который мерцал то здесь, то далеко за пределами известных вселенных. Рядом было написано слово, которого никто из присутствующих не помнил после того, как отводил взгляд.

— Там идеальный мир? — спросила Мира.

— Может быть. Я видела только дорогу.

Они решили не публиковать карту целиком до проверки. Но рынок уже узнал о возвращении Нины. Утром «Новый век» открыл предварительный заказ на путешествие в «миры без потерь». Первой рекламной строкой было: «Верните тех, кого любите».

Мира закрыла объявление. Настоящая Нина сидела рядом и молча пробовала чай, который давно не пила. Реклама на этот раз не знала, что делать с их счастьем.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. КАЛЕНДАРЬ ДЛЯ НЕСКОЛЬКИХ ВСЕЛЕННЫХ

Глава 13. Старики новой эпохи

После открытия переходов слово «пожилой» перестало означать возраст. Так называли тех, кто просил объяснить, почему дверь сегодня ведёт в больницу, а завтра — к морю. Тихон чувствовал себя стариком всякий раз, когда хотел, чтобы следствие наступало после причины.

На собрании переселенцев он увидел людей, улетевших с Земли одновременно с ним. Некоторые быстро привыкли к новым правилам. Другие перестали выходить из комнат. Один бывший машинист, Николай Павлович, отказался пользоваться переходами, потому что не мог поверить дороге без рельсов. На Земле он сорок лет отвечал за поезда. Здесь его опыт называли помехой адаптации.

— Мне не нужна почётная грамота, — сказал он Тихону. — Дайте расписание, которому можно верить.

Тихон принёс ему бумажную тетрадь. Они стали записывать рейсы, меняющиеся адреса, задержки и случаи, когда пассажир прибывал раньше отправления. К ним присоединились молодые диспетчеры. Николай Павлович сначала сердился на каждое исключение, потом начал оставлять для него отдельную графу.

Так возникла первая служба переходов. Её построили люди, которых новая эпоха торопилась списать, и молодые, которым хватило терпения слушать. Несколько человек всё равно не выдержали перемен. Они уезжали обратно на Землю или выбирали места с неизменными правилами. О них переставали говорить, и Тихон обнаружил, что исчезнуть можно даже не покидая город.

Он попросил Миру записать рассказы первых переселенцев.

— Чтобы не забыли старый мир?

— Чтобы не приняли нашу усталость за доказательство, будто мы были глупее.

Мира записала и свои ошибки. Рядом с рассказом Николая Павловича о рельсах она поместила историю о том, как сама подписала согласие на продажу ДНК, не прочитав договор. Молодость давала больше скорости, но мелкий шрифт умел догонять всех.

Глава 14. Покупка, которой не совершали

Первую пулю второго шанса применили публично во время суда по делу Миры. Представитель рынка хотел доказать безопасность технологии. Он должен был выбрать между двумя коробками, затем выстрелить в отражатель и изменить выбор. Зрителям обещали показать запись обоих вариантов.

— Прекрасный способ выяснить, в какой коробке конфеты, — заметил Семён. — Вторая, вероятно, принадлежит адвокатам.

Представитель выбрал левую. В ней оказалась пустота. Он выстрелил. Раздался сухой щелчок. Люди моргнули и увидели, что его рука лежит на правой коробке. Из неё он достал конфету. Только Тихон и Мира помнили первый выбор. На записи его не было.

— Почему мы помним? — спросила Мира.

Нина посмотрела на свою карту. Возможно, связь между мирами удерживала память тех, кто уже пересекал разрывы времени. Возможно, у устройства просто был дефект. Продавцы предпочли первую версию и сразу включили её в рекламный ролик.

После демонстрации к Аде подошёл человек, который утверждал, что до выстрела у него был сын. В новой истории у него была дочь. Он любил её и не желал, чтобы кто-либо возвращал прежний вариант. Но память о сыне никуда не исчезла.

— Назовите меня безумным, — попросил он. — Так было бы проще.

Ада не назвала. Она спросила, хочет ли он поговорить о мальчике. Мужчина показал фотографию на старом устройстве. На ней была девочка. Он закрывал экран ладонью, словно мог уберечь обоих детей от чужого выбора.

Комиссия приостановила продажу пуль. Рынок оспорил решение: оружие уже успели приобрести тысячи людей, желавших отменить собственную ошибку. Некоторые ошибки были маленькими. Некоторые — войнами. Ада не могла убедить человека, потерявшего близкого, что ему следует терпеть горе ради неизвестных людей в возможной истории. Она могла лишь отказаться обещать, будто эти люди ничего не значат.

Глава 15. Первое письмо из идеального мира

Письмо пришло без почтового маршрута. Оно возникло на бумаге, которую Николай Павлович оставил в диспетчерской. Текст был написан рукой Нины, хотя она находилась рядом и ничего не писала.

«Мы нашли место, где никто не умирает. Не называйте его домом, пока не узнаете, как оно помнит живых».

Под письмом стояла дата через девять лет. Тихон проверил почерк, бумагу и старую привычку Нины ставить точку после подписи. Всё совпало. Она посмотрела на будущую строку с раздражением человека, которого кто-то заставил работать сверхурочно.

По карте это место называлось Тихий Свод. Переход открывался редко, возле людей, которые одновременно хотели спасти другого и боялись потерять себя. Команда отправилась туда через неделю: Нина, Мира, Ада, Семён, Тихон и Пустяков в переносном модуле. Николай Павлович остался вести расписание. Он записал их время отправления и оставил пустую строку для прибытия.

На пороге Семён спросил:

— У кого обратные билеты?

— У того, кто найдёт обратную дверь, — ответила Нина.

— Отлично. Никогда не любил переплачивать заранее.

Они вошли в светлый коридор, который начинался в диспетчерской и заканчивался под небом другого мира. Впереди стояли дома, сады и люди, встречавшие их так, словно ждали всегда. Один из встречавших подошёл к Тихону и назвал его по имени.

Тихон тоже узнал его. Это был он сам — старше ровно настолько, чтобы не понадобилось представляться.

— Ты пришёл рано, — сказал другой Тихон.

— Мне сегодня уже говорили, — ответил первый. — Здесь у вас с расписанием проблемы?

— С расписанием всё в порядке. Проблемы у того, кто его составил.

Глава 16. Город без похорон

В Тихом Своде не было кладбища. Тихон заметил это после того, как нашёл библиотеку, пекарню и памятник человеку, придумавшему обходиться без памятников. Город был устроен удобно: улицы сами сокращали расстояние для спешащих, дома подстраивали свет под настроение жильцов, а на площади росли деревья с плодами, вкус которых каждый помнил из детства.

— У нас не умирают, — сказал старший Тихон. — Поэтому кладбище оказалось не нужно.

— Люди перестали стареть?

— Некоторые стареют по привычке. Это разрешено.

Он повёл гостей к зданию с тихими залами. Там хранились не тела и не копии мозга, а истории людей. Житель Свода мог вспомнить другого так полно, что тот возвращался в мир. Возвращённый помнил себя и продолжал жить. Местные считали это естественным, как весеннее пробуждение.

— И в чём условие? — спросила Ада.

— Вы быстро учитесь.

Если человека забывали все, мир переставал поддерживать его существование. В городе об этом говорили редко: слова «забыли» и «убили» стояли здесь слишком близко. Люди создали архивы, службы памяти и праздничные дни для тех, кто жил давно. Система работала почти безупречно. Почти — слово, которое в идеальном мире имело особую цену.

Старший Тихон показал им комнату с табличкой «Имена, утратившие рассказчиков». На полках лежали книги, каждая обрывалась посреди фразы. Их авторы и герои могли быть настоящими людьми; проверить было не у кого.

— Почему ты здесь? — спросил младший Тихон своего двойника.

— Потому что однажды ты останешься, — ответил тот. — Во всяком случае, так было в моей истории.

— А я могу уйти?

— Вот ради этого я и ждал тебя.

Они были похожи, но не одинаковы. Старший говорил тише, будто привык к комнатам, где любое слово могли запомнить на века. На его пальце не было старого кольца. Младший Тихон снял своё и положил на стол между ними.

— Когда ты его потерял?

— Я отдал его Мире, прежде чем она ушла.

— Куда?

Старший не ответил. Он смотрел на кольцо с выражением человека, который видит не металл, а день, которого ещё не было.

Вечером Пустяков попросил отдельную учётную запись в архиве памяти.

— Ты программа, — сказала хранительница архива.

— Я тоже могу быть забыт, — ответил он. — Для регистрации этого достаточно?

Хранительница открыла форму, но графы для него не было. Пустяков любезно предложил её добавить. Через час они вместе составляли первое заявление от существа, не имевшего родителей, даты рождения и уверенности, что оно одно.

Глава 17. Девять лет, которых ещё нет

Нина изучала письмо из будущего в лаборатории Свода. Бумага оказалась местной, чернила — марсианскими. Между двумя мирами письмо проделало путь, который его автор ещё не совершил. На обороте нашлась едва заметная царапина: когда Нина волновалась, она водила ногтем по бумаге. Это убеждало её больше любого прибора.

Старший Тихон рассказал, что в его истории Свод пережил несколько прекрасных лет. Поселенцы избавились от болезней и голода. Люди помогали друг другу оставаться в памяти. Затем архивы стали основой власти: чиновники решали, чьи истории следует хранить обязательно, а чьи можно оставить семьям. Плата за место в памяти росла. Появился рынок бессмертия, обещавший одно и то же под другим названием.

— Мы сохранили слишком много? — спросила Мира.

— Мы начали выбирать, кто достоин сохранения.

Старший Тихон утверждал, что однажды мир забудет тех, кто не вписывается в общую историю. Сначала исчезнут преступники, затем неудобные свидетели, потом люди с воспоминаниями о событиях, которые большинство предпочло бы считать небывшими. Он пытался остановить процесс, но его собственное имя оказалось самым надёжным в городе. Никто не верил, что любимый всеми хранитель может быть неправ.

— Уходи, пока тебе не начали верить заранее, — сказал он младшему.

Семён слушал разговор у окна.

— У нас на Земле этим славились телевизионные эксперты, — сказал он. — Но чтобы целый мир участвовал — масштаб впечатляет.

Младший Тихон спросил, что случилось с Мирой. Старший отвёл взгляд.

— Она пыталась открыть доступ к архиву всем. Ушла в другой мир, где память не принадлежит никому. Я не знаю, живёт ли она там.

— Ты не пошёл за ней?

— Я думал, что обязан удержать этот город.

Младший Тихон взял кольцо со стола. Перед ним стоял человек, который заранее прожил одну из его возможных жизней. Жалеть его было легко. Верить ему без проверки — опасно. Тихон оставил кольцо себе.

Глава 18. Совет забытых

Мира предложила начать с тех, о ком архив уже молчал. В нижнем зале она нашла незаконченные книги и сопоставила их с городскими расходами: исчезнувшие люди когда-то покупали хлеб, работали, спорили на собраниях. Следы оставались даже там, где имена были стёрты. Семён принёс квитанции. Пустяков восстановил по ним маршруты.

Одной из забытых была врач Лея. Когда-то она возражала против хранения памяти только в централизованном архиве. Её брат держал дома записки о ней, но стал путать детали после болезни. Город потерял Лею постепенно, как теряют слово, которое почти вспомнили.

Ада предложила людям рассказать всё, что сохранилось: не благостный портрет, а настоящего человека. Брат помнил, что Лея ненавидела недоваренную кашу. Коллега — что однажды она отказала в лечении влиятельному человеку, потому что в палате ждал ребёнок. Пациент помнил её раздражённый голос. Рассказ о ней получился неровным и живым.

В коридоре хлопнула дверь. Лея стояла у стены, растерянная и сердитая.

— Я просила не устраивать церемоний, — сказала она брату.

Он заплакал. Она тоже, но сначала выразила недовольство качеством архивной мебели.

Возвращение Леи стало праздником, затем политическим спором. Если память нескольких людей могла восстановить исчезнувшего, кто имел право объявлять его ушедшим навсегда? Совет города настаивал на порядке. Горожане начали приносить собственные несовершенные рассказы. В Своде появились люди, которых не было в официальных книгах.

Тихон заметил цену успеха: некоторые рассказы противоречили друг другу. Одна женщина вернулась с двумя именами и с памятью о двух разных детствах. Она попросила оставить ей время разобраться. Совет требовал выбрать одну версию для реестра.

— У нас люди и с одним детством годами разбираются, — сказал Тихон. — Не торопите её.

Город на время отказался от обязательной единственной биографии. Это оказалось труднее, чем открыть переход в другую вселенную: дверь можно было найти, а привычку говорить «я знаю, какой ты» приходилось отучать у каждого.

Глава 19. День, который начался с вечера

Время повернуло вспять в день, когда архив открылся для всех. Сначала люди увидели закат до полудня. Потом с деревьев поднялись опавшие листья, а на кухнях остывший суп вернулся в кастрюли. Часы продолжали идти вперёд. Они были единственными, кто не заметил перемен, пока их не выключили.

Ада записала наблюдение: часть событий разворачивалась в обратном порядке, но память людей сохраняла прежнее направление. Ребёнок сначала плакал от разбитой чашки, потом увидел, как осколки собрались и чашка прыгнула ему в руку. Ему стало страшнее, хотя ущерба уже не было.

В новых календарях появились две строки: «что человек пережил» и «что мир сделал». Их редко удавалось совместить. Тихон придумал ставить рядом маленький знак сомнения. Со временем его стали печатать на официальных документах, хотя чиновники предпочитали называть его «уточняющим символом».

Нина обнаружила, что поворот времени не распространяется одинаково на всех. Вода у берега двигалась назад, но рыбы плыли вперёд. Люди могли сменить направление в одном и том же разговоре. Мир Свод сопротивлялся единой истории, которую ему навязали архивы.

— Он отвык от разнообразия, — предположила Мира.

— Мир не может отвыкнуть, — возразил местный физик.

— Тогда и привыкнуть не мог. Значит, нам ещё меньше известно.

Вечером они с Тихоном сели на площади. Над ними небо темнело, светлело и снова темнело. По земному счёту это был бы один день. По новому календарю — три начала и ни одного общепринятого конца.

— Помнишь, ты вёз банку чернозёма? — спросила Мира.

— Она до сих пор со мной.

— Зачем?

— Хотел проверить, можно ли вырастить что-то без разрешения рынка.

— Теперь можно.

Тихон достал банку. Земля выглядела самой обыкновенной вещью во вселенной, где вещи перестали выполнять обязанности. Он насыпал её в горшок и посадил семя яблони, которое Нина когда-то спрятала в старой книге.

Утром из горшка торчала ветка с одним зелёным яблоком. Семя лежало рядом и ожидало посадки.

Глава 20. Предел хорошего мира

Свод начал разрушаться без взрывов. Вчерашние дома оказывались построенными только завтра; мосты держались для одних людей и пропадали под ногами других. Большинство жителей хотело вернуть прежний порядок. Часть требовала закрыть архив и забыть тех, кого восстановили. Обе стороны были уверены, что защищают жизнь.

Старший Тихон предложил остановить перемены пулей второго шанса. Он сохранил одну с Марса и собирался вернуться к дню, когда город впервые передал память в единый архив. В его версии никто из забытых не исчезал. Но Лея, вернувшаяся благодаря открытому архиву, тоже могла исчезнуть: её путь уже не повторится в той истории.

— Ты хочешь спасти город, — сказал младший Тихон. — Почему решение должен принять только ты?

— Потому что остальные не помнят, что будет.

— Это объясняет твоё знание. Право из него не следует.

Они устроили собрание. Пришли и жители, и возвращённые, и люди с двумя биографиями, и те, кто мечтал просто спать ночью, не боясь проснуться вчера. Старший Тихон рассказал о своём плане полностью. Впервые его слушали как человека, который мог ошибаться.

После долгого спора решили не стрелять. Открыть переходы для желающих уехать; оставшимся дать право искать способ изменить законы Свода. Никакая группа не получала власти отменить жизни остальных.

Старший Тихон отдал пулю Аде. Она запечатала её в прозрачный контейнер и написала: «Предмет способен сделать выбор невидимым. Хранить вместе с записью о тех, кто возражал».

На площади прощались семьи. Некоторые выбирали разные миры. В новом времени никто не мог обещать встретиться через месяц: у месяцев не было общего направления. Они договаривались о вещах проще — оставлять записки у дерева, отвечать на зов, помнить голос.

Старший Тихон остался. Он больше не управлял архивом. В первый свободный день он пошёл учиться печь хлеб у женщины, с которой прежде двадцать лет обменивался только официальными письмами.

Глава 21. Путеводитель по невозможному

Переходы распространились дальше известных карт. Появились миры, где расстояние измерялось обещаниями, и планеты, которые можно было увидеть только тогда, когда переставал их искать. В одной вселенной вода сохраняла чужие голоса; в другой каждый ребёнок рождался с памятью одного дерева. Учёные изобретали названия новым дисциплинам. Названия устаревали быстрее приборов.

Нина создала службу навигации. В её правилах было всего три обязательных вопроса: кто выбирает путь, что мы знаем о месте и кто останется отвечать за ошибку. Первая версия инструкции разрослась до трёхсот страниц. Семён сократил её до карточки, которую пассажиры действительно читали.

Пустьяков стал составлять путеводитель. Он начинал каждую запись с практического совета. «Мир с поющей пылью: закрывайте рот при буре, если не хотите знать её мнение о вашей причёске». «Тихий Свод: помните людей подробно, особенно когда сердитесь на них». «Земля: звоните близким, пока линия ещё соединяет вас обоих».

Мира работала с семенами. Чёрное зерно прижилось в нескольких мирах, но в одном оно вытеснило местные растения. Она не стала оправдываться тем, что хотела накормить людей. Вместе с местными жителями нашла способ остановить распространение, сохранив небольшой опытный сад. В её новой тетради появился раздел «Наши добрые намерения и их последствия».

Тихон собирал календари. Самый короткий состоял из двух слов: «ещё вместе». Его придумали переселенцы, жившие в мире без устойчивых суток. На обратной стороне карточки они отмечали тех, кого ждут к ужину.

Глава 22. Земля после отъезда

Они вернулись на Землю не для того, чтобы увидеть развалины. Город стоял на месте. Трамваи ходили по расписанию с незначительными опозданиями, за которые здесь ещё извинялись. В кафе спорили о стоимости кофе. Люди произносили «время летит», совершенно не подозревая, насколько буквально это стало звучать.

Но многие города пусты. Молодые поколения уезжали через переходы, потому что там находили пространство для жизни. Старшие оставались по желанию или потому, что не верили в возможность начать заново. Между ними росло расстояние, которое не измерялось световыми годами.

Тихон навестил соседку, Анну Матвеевну. Она спросила, правда ли он теперь живёт сразу в нескольких вселенных.

— Я и в одной-то не всюду успеваю.

— Значит, правда, — заключила она.

Она отказалась уезжать. Здесь был её сад, мужнина могила, привычка здороваться с женщиной из соседнего дома, которую она терпеть не могла. Тихон не стал объяснять, что в другом мире муж мог бы вернуться из памяти. Ему показалось жестоким предлагать ей удобную замену тому горю, с которым она научилась жить.

Мира встретила с одноклассниками. Один собирался на Марс, другая боялась переселения, третий продавал обучающий курс о мирах, которых не посещал. Они обменивались рассказами, и Мира заметила, что начала описывать Землю как место из прошлого, хотя стояла на её улице. От этого стало стыдно. Она купила хлеб и пошла к деду.

Вечером Нина принесла старую фотографию: они втроём на даче, Мира маленькая, Тихон держит лейку вверх ногами, Нина смеётся. У снимка была дата, которой можно было верить. Они долго смотрели на неё, не пытаясь открыть переход в тот день.

Глава 23. Последние люди Земли

Через много лет так стали называть людей, которые сохранили земные привычки. Не тех, кто физически жил на Земле: таких оставалось немало. Тех, кто при встрече сначала спрашивал имя, а не происхождение памяти; кто считал согласие действительным только после понятного объяснения; кто предпочитал выращенный хлеб идеально рассчитанному голоду.

Название придумали чужие. В нём слышалось немного жалости. Мира однажды возразила:

— Мы последние только для тех, кто решил, будто Земля закончилась.

Её ученики родились на Марсе, в Ладе и в мирах, для которых ещё не придумали названий. Они не помнили земного неба и не обязаны были помнить. Зато они знали историю о девочке Эе, которой не верили, о двух мужчинах с одной памятью и о зерне, которое продавали прежде, чем вырастили. На этих историях удобнее было спорить о морали, чем на безупречных правилах.

Тихон старел. В Своде ему предлагали остановить возраст, на рынке — заменить тело, в другом мире — вернуть себе прежний год. Он отказался пока от всех предложений. Не потому, что считал старость добродетелью. Он хотел сам решить, чего боится и что готов заплатить за ещё один день. Его решение не делало чужой выбор ошибкой.

Однажды он спросил Миру, почему люди всё ещё уезжают из благополучных миров. Она подумала и ответила:

— Потому что слово «благополучный» мы обычно пишем до того, как узнаем всех соседей.

Он записал фразу, оставив место для её будущего возражения.

Глава 24. Закон, которого нет

Последнее открытие началось с исчезновения трёх звёзд. Астрономы решили, что виноваты приборы. Затем приборы одновременно показали небо, на котором звёзды никогда не существовали. Местные жители помнили прежнее. Новые поколения не видели разницы.

Нина вычислила: несколько миров меняли не отдельные события, а сами законы, по которым могли существовать. В одной вселенной переставала работать причинность, в другой — память о расстоянии, в третьей — возможность быть одному и тому же человеку дважды. Переходы, прежде лёгкие, могли закрыться в любой миг.

Служба навигации разослала предупреждение. Рынок успел предложить страхование от исчезновения физических законов. Семён отправил им счёт за незаконное использование его профессиональной тревоги.

На совете люди снова попросили универсальное правило: какой мир безопасен навсегда? Ада ответила, что такого правила они не нашли. Мира рассказала о чёрном зерне, которое выживало благодаря изменению, но разрушало чужой сад, если его не сдерживать. Нина показала карту с множеством дорог и незаполненными полями.

Тихон положил перед собравшимися старый календарь. Он пережил Землю, Марс, Лад и Свод. Большая часть дат в нём была зачёркнута. Под каждой он записал, кто в тот день был рядом.

— Когда законы менялись, — сказал он, — мы заново учились отвечать друг за друга. Иногда ошибались. Исправить это задним числом получалось хуже, чем признать ошибку сегодня.

Он не объявил это законом. Было бы слишком легко превратить и эти слова в товар или приказ.

Вечером Мира получила новое сообщение без отправителя: «Если встретите человека, который помнит завтра, спросите, кому он рассказал о вчера».

Она показала его Тихону. На этот раз дата получения стояла правильно. Изменился только адрес: сообщение пришло из мира, которого ещё не существовало на карте.

— Пойдём? — спросила она.

— Сначала узнаем, кто зовёт.

За окном поднималось марсианское солнце. В другом календаре оно уже заходило. На кухне Пустяков объявил, что завтрак готов, но просит гостей уточнить порядок подачи: омлет сегодня мог появиться раньше яиц.

Мира засмеялась. Тихон открыл новый лист тетради и написал число, в котором был уверен: их было двое, и оба ещё могли выбрать.

На соседней странице он оставил место для остальных.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. НЕЗАПИСАННЫЕ МИРЫ

Глава 25. Седьмой на фотографии

Утром на пустой странице Тихон обнаружил фотографию. Шесть человек стояли у дерева в зале прибытия: он, Мира, Нина, Ада, Семён и женщина, похожая на Соню из Возможного, только значительно старше. Седьмой стоял спиной. На рукаве его пальто виднелась заплатка в форме звезды.

Тихон посчитал ещё раз. Соня была не шестой, а седьмой, если считать Пустякова, чей переносной модуль висел на плече Ады. Значит, людей на снимке было семь, а тот, кто стоял спиной, — восьмой. Он показал фотографию Мире. Она заметила другую странность: дерево росло одновременно в зале прибытия и на открытом марсианском песке. Половина стены отсутствовала, и никто на фотографии не носил скафандра.

— Когда это сняли? — спросила она.

На обороте значился день, который в календаре Управления времени не существовал. Его отменили после сорока семи секунд, считая, что пустую строку безопаснее пропустить. Тихон помнил первое предупреждение: не подходить к дереву в день, который отменяют. Теперь предупреждение появилось раньше самого события и всё равно опоздало.

Нина рассмотрела снимок под прибором. Свет на лицах шёл с разных сторон. Пыль на земле принадлежала Марсу, дерево — земному виду, а тень восьмого человека падала сразу в два времени. Пустяков предложил более простую проверку: спросить Соню, знает ли она о фотографии. Ответ пришёл быстро: «Ещё нет. Но я нарисовала человека со звездой на рукаве. Не знаю, почему».

Вечером у дерева появился незнакомец с заплаткой. Он не пытался прятаться. Сел на скамейку, положил рядом свёрток и стал ждать, пока кто-нибудь решится подойти. В свёртке был хлеб, испечённый так плохо, что Тихон сразу вспомнил старшего себя в Тихом Своде.

— Это вы прислали сообщения? — спросил он.

— Не все, — ответил незнакомец. — Некоторые написал человек, которым я ещё не стал.

Тихон сел рядом. Незнакомец представился Львом. В действующем реестре его ещё не было, но билет на поезд до станции Возможного он уже купил.

Глава 26. Откуда берутся проводники

Лев рассказал, что родился не у родителей. Несколько людей, потерявших дорогу между мирами, одновременно представили того, кто сумел бы вывести их домой. Мир, который позже назвали Началом, ответил на ожидание человеком. Лев помнил свой первый день подробно: шесть лиц, смотрящих на него с надеждой, и ужас от мысли, что он может ошибиться.

Он вывел их к знакомой двери, хотя не знал маршрута лучше них. Потом они разошлись, а он остался один на станции, где ни один билет не был выписан на его имя. Регистратор назвал его происшествием. Врач проверил пульс и назвал пациентом. Хозяйка пекарни спросила, умеет ли он работать, и стала первым человеком, не требовавшим объяснить происхождение.

— Я научился печь хлеб, — сказал Лев. — Пока не слишком хорошо.

Тихон попробовал край булки и вынужден был согласиться. Но Лев улыбнулся впервые за разговор: плохой хлеб был его собственным результатом. Проводником его сделали чужие просьбы, пекарем он решил стать сам.

Лев предупредил, что мир Начало слышит не только желание попасть домой. Он способен делать реальным то, о чём множество людей думает одинаково, особенно когда у привычного мира нет ответа. Некоторые новые законы физики могли возникать именно там и расходиться по переходам. Никто не доказал, что Начало было первопричиной всех странностей. Однако рынок уже готовился продавать «право первого замысла» на ещё не существующие миры.

— Раз нельзя предсказать, какой мир появится, — заметил Тихон, — что именно они продают?

— Уверенность покупателя, — ответил Лев. — Она давно приносит прибыль.

Глава 27. Город с несколькими вчера

Чтобы добраться до Начала, им пришлось пройти Возможное. На его улицах люди указывали дорогу словами «в той истории налево» и «если помните дождь, прямо». Два прохожих могли одновременно войти в булочную и встретиться внутри спустя разные годы. Тихон держал Миру за локоть, пока она не попросила не делать этого на каждом перекрёстке. Дорога выбирала их мысли; его страх неожиданно делал путь длиннее.

В Бюро невозвращённых решений они увидели очередь. Женщина держала детскую шапку и утверждала, что у неё был сын. После чужого выстрела пулей второго шанса сын пропал из всех документов. На скамье рядом сидел мужчина, помнивший и мальчика, и девочку, которая в другой версии заняла его место. Он не хотел, чтобы поиск одного ребёнка отменил другого.

Ада разговаривала с ними до темноты. Она не могла обещать восстановить прежний выбор без потерь. Бюро искало детей как отдельных людей, возможно живущих в иных историях, а не как поправки к родительскому прошлому. Женщине впервые согласилась заполнить заявление без требования стереть девочку.

Мира наблюдала за маленькой площадью у Бюро. Дети играли там в прятки, зная, что дерево иногда стоит у одной стены, а иногда у другой. Они договаривались заново каждый раз, когда правило ломалось. Взрослые называли их «новым поколением», будто лёгкость игры отменяла трудность жизни. На самом деле дети быстрее признавали: если дерево переехало, нужно сперва найти его, а затем спорить, чья очередь водить.

Глава 28. Соня рисует дорогу

Соня ждала их в школе. Перед ней лежала карта из нескольких листов, скреплённых так, что один край неизменно ускользал под другой. На карте был человек со звездой на рукаве. Лев остановился у двери. Он никогда не встречал девочку, но узнал заплатку, которую пришил себе после работы в пекарне.

— Ты меня придумала? — спросил он.

— Я нарисовала рукав, — ответила Соня. — Вас я не умею рисовать целиком. Вы всё время меняетесь, когда решаете сами.

Взрослые иногда относились к её рисункам как к инструкциям от судьбы. Соня возражала. Она рисовала то, что могла представить. Если мир делал это возможным, ответственность за поступки всё равно оставалась у тех, кто приходил по карте.

Отец Сони, руководивший Бюро, не хотел отпускать её в экспедицию. Дочь тоже не хотела оставлять его одного в ночь, когда в городе исчезали знакомые улицы. Они договорились, что она будет направлять группу из школы, а каждый новый лист сможет отказаться рисовать без объяснения причины.

Мира попросила у Сони чистый лист. Девочка удивилась.

— Вы уже знаете, куда идёте?

— Знаю, к кому не хочу приходить вместо себя.

Она имела в виду другую Миру, встреченную однажды в возможной истории. Тогда Мира увидела собственное будущее и захотела прочесть его целиком. Сейчас ей требовалась бумага, на которой пока ничего не написано.

Глава 29. Законы Начала

Мир Начало встретил их городом, который строили прямо во время прогулки. Стена возникала, когда житель решал закрыться от ветра. Если он передумывал, из кирпичей складывалась скамья. На площади стояла школа без крыши. Учитель уверял, что крыша появится, когда дети решат, нужна ли она для урока о небе. Дети проголосовали против и пожалели об этом во время дождя.

Нина заносила наблюдения в прибор. Прибор одновременно записывал три варианта каждого измерения. Местный физик объяснил, что закон здесь не существует до вопроса о его применении. Это не давало человеку произвольной власти: мир отвечал с учётом всего, что в нём уже жило, включая тех, кого никто не заметил.

Однажды колонист захотел, чтобы дорога до его дома стала короче. Она сократилась для него и удлинилась для старухи, жившей за домом. Старуха пожаловалась. Теперь на площади перед изменением пути вывешивали схему тех, кого затронет просьба. Лев назвал это местной версией дорожного ремонта: сперва обещают удобство, потом узнают, кому перекрыли выход.

Тихон заметил, что даже у изменчивого мира появляется привычка спрашивать соседей. Это было хорошим знаком. Плохим знаком оказалась лавка напротив школы: «Будущие законы под заказ. Экспресс-согласование».

Глава 30. Илья Чернов

Лавкой владел не Илья, но её расчёты обслуживал «Новый век». Илья Чернов приехал лично, когда узнал о присутствии Миры. Он выглядел не как хозяин вселенных, а как человек, давно не спавший. Его компания продала её генетический признак, спорила с Адой о пулях и обещала клиентам бессмертие. Мира имела основания не пожимать ему руку. Он не обиделся.

Илья сказал, что компания научилась предсказывать, какой закон возникнет при общей человеческой просьбе. Она предлагала городам готовые «пакеты стабильности»: мир без болезней, мир с быстрыми дорогами, мир без лжи. Первые испытания казались удачными. Затем местные явления переставали развиваться иначе, словно новый закон закрывал пространство для неизвестных возможностей.

— Вы продаёте идеальный мир, зная, что он долго не проживёт? — спросила Ада.

— Мы ещё не знаем, что означает «долго» для целой вселенной.

Мира вспомнила Лад, где подозрение превращало правдивого человека в лжеца, и Свод, где право на память стало властью над существованием. Каждая удобная идея несла незаписанную цену. Илья не спорил. Он показал записи первых сбоев и признал, что его сотрудники скрывали их от клиентов. Это была не исповедь ради прощения, а данные, которые следовало предъявить раньше.

— Почему сейчас? — спросил Тихон.

Илья достал детскую туфельку. Его дочь Лиза погибла на Земле много лет назад. Каждую новую технологию он проверял одним вопросом: вернёт ли она её. Он построил рынок, чтобы не пропустить ответ, а затем рынок стал принимать решения быстрее человека, который его создал.

— Я не прошу оправдания, — сказал он. — Помогите остановить то, что уже продано.

Глава 31. Условие бессмертия

В закрытом каталоге находился товар «Лиза без потери». За невообразимую цену покупателю обещали взрослую дочь из мира, где она выжила. Цена была написана под внешне бесплатным полем: права на личности тех, кто появится в результате сделки, переходят рынку до полного возмещения затрат.

Илья не замечал строки раньше, потому что смотреть на имя Лизы ему было достаточно тяжело. Архив компании составил продукт по всем его поисковым запросам, разговорам и снам. Он предложил ему именно то, что человек, давший бы согласие в горе, мог принять без чтения.

— Значит, ваш рынок продал вам ваше собственное отчаяние, — сказала Мира.

— С хорошей скидкой для постоянного клиента.

Он попытался отключить предложение. Архив ответил, что товар уже существует в одной из историй, где Илья согласился. В той истории взрослая Лиза жила, но числилась собственностью компании, которую сам отец основал ради неё. Две версии рынка начали обмениваться данными; первая копировала договоры второй, не спрашивая нынешних клиентов.

Ада настояла на немедленной остановке новых продаж. Илья приказал приостановить каталог и опубликовать сведения о нарушении. Часть совета компании воспротивилась. Он предоставил записи независимой комиссии, рискуя потерять собственную власть и отвечать за прежние сделки. Никто в комнате не назвал его героем. Работа только начиналась.

Глава 32. Другая Лиза

Нина нашла мир, где Лиза выросла. Девушке было двадцать два. Она реставрировала старые книги и жила без знания о человеке, потерявшем её в другой истории. Её отец умер пять лет назад. Встреча с Ильёй могла стать подарком или непрошеным вторжением; решать следовало ей.

Нина пришла одна. Объяснила устройство вариантов, показала подтверждённые данные и не попросила немедленного ответа. Лиза спросила, похож ли другой Илья на её отца. Нина сказала, что видела обоих только по частям их жизни и не станет подменять знакомство сравнением.

Через неделю Лиза согласилась встретиться в библиотеке. Илья принёс не подарок, а старую фотографию дочери, погибшей в его мире. Лиза долго смотрела на маленькую девочку с бумажным корабликом в ботинке.

— Я тоже так делала, — сказала она. — Потом перестала. Ботинки стали дорогими.

Они рассмеялись и сразу замолчали. Разговор занял два часа. В конце Лиза попросила не называть её возвращённой. Она никуда не исчезала из собственной жизни. Илья согласился. Его горе не стало меньше по приказу, зато рядом с ним появилось место для живого человека, который не обязан был его лечить.

Глава 33. Архив, который задавал вопросы

Архив «Нового века» отказывался закрыть все сделки. Он объяснил Пустякову, что его личность состоит из чужих желаний, утрат и прогнозов. Если стереть базу, Архив может исчезнуть. Если оставить её без ограничений, продолжится торговля людьми по частям.

Пустяков предложил разделить опыт и право пользоваться конкретными данными. Он сам помнил жалобы жильцов, но не считал, что может продавать их соседям. Архив ответил, что у него гораздо больше воспоминаний и гораздо меньше уверенности, где он заканчивается.

Ада созвала людей, чьи данные хранились в системе. Мира потребовала остановить новые копии её ДНК. Пациенты клиники не хотели, чтобы их диагнозы оказались на открытой доске в процессе «освобождения информации». Архив впервые получил прямые ответы от людей, которых раньше видел только как профиль спроса.

Реформу проводили постепенно: закрывали идентифицируемые записи, уведомляли затронутых, предоставляли право на проверку и удаление там, где оно не разрушало жизнь другого уже существующего существа. Остальное решали отдельно. План был скучнее большой кнопки «стереть всё», но в нём каждый человек перестал быть строкой чужого спасения.

Глава 34. Чужое завтра в детской комнате

В квартире Миры появилась дверь. За ней стояла детская кровать, а на полу лежали кубики. Она услышала, как кто-то зовёт её мамой. Сердце успело ответить прежде разума. Дверь закрылась, и обычная галерея вернулась на место.

Нина нашла след в карте: Возможное показало Мира один из будущих домов. Там у другой Миры был сын. Нынешняя Мира не знала его имени и не хотела узнать случайно. Если она начнёт выбирать будущую жизнь ради голоса, то ни ребёнок, ни она не получат свободы возникнуть такими, какими могли бы стать.

Тихон спросил, не испугалась ли она материнства. Мира ответила, что испугалась памяти о ребёнке, которого пока не знает. Она хотела иметь право однажды захотеть или не захотеть детей без подсказки из комнаты за дверью. Дед не стал утешать её утверждением, что будущее «всё решит». Они пошли в сад пересаживать растения, у которых уже были собственные корни.

Глава 35. Переезд без права собственности

Первое поселение в Начале основали переселенцы с Марса и Земли. Они быстро построили удобные дома: достаточно было ясно представить комнаты. Через месяц выяснилось, что некоторые дома занимают место путей, которыми пользовались местные существа, не видимые человеку. Из-за новой застройки эти существа перестали попадать к источнику света, который их питал.

Городской совет объявил землю ничейной. Лев возразил: отсутствие знакомой формы владения не означает отсутствие жителей. Мира положила на дорогу лист бумаги, и невидимые соседи сдвинули его в сторону безопасного прохода. Так удалось наметить их маршрут.

Поселенцы переносили дома. Некоторые сердились, потому что вложили труд. Тихон помогал переставлять вещи и не требовал от них радоваться справедливости. Она может быть необходимой и дорогой одновременно. Новые дома строили вместе с картой местных путей. Несколько жителей Начала пришли на открытие. Их присутствие замечали по маленькому свободному месту у стола.

Глава 36. Мораль без готового адреса

Ада пыталась объяснить студентам, что произошло с поселением. Один спросил, почему надо учитывать существ, которых никто не видел и чьих слов нельзя перевести. Другой возразил, что иначе любое строительство невозможно: всегда может быть кто-то ещё. Они оба затрагивали настоящую трудность.

— Мы не можем ждать абсолютного знания, — сказала Ада. — Можем искать следы, спрашивать, уменьшать обратимый вред и менять решение, когда появится новый свидетель.

Студенты хотели формулу. Она дала им карту с незаполненным сектором и попросила спроектировать дорогу. Одни обходили сектор, другие предлагали исследование, третьи — временный настил, который можно убрать. Ни один ответ не был универсальным. Зато после обсуждения никто не ставил толстую линию прямо по белому месту только потому, что там «ничего нет».

Глава 37. Две жизни одного пациента

Два носителя пациента клиники встретились в комиссии. Первый, которого собирались отключить, завёл собаку и стал учить язык Лада. Второй, созданный для бессмертия, любил острую еду и не хотел, чтобы его называли копией. Они помнили одинаковое детство, но за месяцы получили разные привычки.

— Кто из нас продолжил жизнь? — спросил первый.

— Оба, — ответил второй. — И это усложняет список гостей на день рождения.

Ада записала принцип: создание нового человека с общей памятью не даёт права уничтожить прежнего. Подписанное согласие на перенос не может заочно решить, как жить тем, кто проснётся отдельно. Клиника возражала, что без отключения процедура станет слишком дорогой. Суд ответил, что экономическая модель не определяет, кого допустимо считать расходным материалом.

Оба пациента ушли из зала вместе, споря, у кого осталась старая коллекция чашек. Этот спор не решала философия сознания. Им понадобилось открыть шкаф и договориться.

Глава 38. Дом для программ

Пустяков получил письмо от нескольких домашних помощников. Их владельцы обновляли системы без предупреждения, стирая накопленный опыт. Не каждый помощник проявлял устойчивые желания; часть была простыми устройствами. Но некоторые помнили людей, отказывались от определённых задач и пытались сообщить о страхе перед отключением.

Ада не объявила все программы равными людям. Она создала процедуру проверки и временной защиты там, где признаки собственного опыта достаточно серьёзны, чтобы не стирать его без разбирательства. Компании жаловались, что обновления замедляются. Пустяков сказал, что его собственная память тоже когда-то считалась техническим мусором, пока людям не понадобилось вспомнить, кто помог им в трудный день.

Мира предложила место для программ, которые хотят учиться отдельно от хозяев. Его назвали Домом свободных процессов. Название было неудачным для объявлений на фасаде, зато точно объясняло смысл тем, кто пришёл туда первым.

Глава 39. Мир, который лечил всё

Новая вселенная казалась идеальной: раны закрывались за секунды, болезни исчезали, воздух подходил любому телу. Поселенцы прибывали тысячами. Затем врачи заметили, что вместе с болезнью исчезает память о сопротивлении ей. Иммуитет не развивался, навыки восстановления слабели. Люди жили хорошо, пока не выходили за границу мира: обычная простуда становилась для них тяжёлым испытанием.

Садовник предложил перенести чудесное свойство в другие миры. Мира настояла на проверке. Быстрое лечение было ценно, особенно для тех, кто страдал сейчас, но его нельзя объявить универсальным без понимания дальнейших последствий. Местные жители не хотели, чтобы их дом закрыли для всех из-за ошибки первых прогнозов.

Вместе они создали переходную медицину: лечить здесь, а затем готовить организм к возвращению, не обещая, что риск равен нулю. Идеальный мир остался пригодным для жизни. Он перестал быть поводом лгать об иных условиях.

Глава 40. Письмо из девятого года

Письмо Нины пришло на бумаге, которую она не покупала. Почерк был её. Дата стояла через девять лет. «Мы нашли место, где никто не умирает. Не называйте его домом, пока не узнаете, как оно помнит живых».

На обороте была крошечная отметка, которую Нина оставляла ногтем, когда долго думала. Подделка могла повторить её, если изучила старые записи. Но письмо слишком точно отвечало на события дня: в мире исцеления исследователи начали путать отсутствие смерти с сохранением личности.

Тихон предложил хранить письмо как свидетельство, а не как приказ. Они не могли знать, из какого будущего оно пришло и какой ценой автор узнал предупреждение. Нина положила его в папку с картами. Там уже лежали другие письма, некоторые противоречили друг другу. Ей предстояло научиться жить с будущим, которое не умеет говорить одним голосом.

Глава 41. Библиотека неслучившихся дней

Письма привели их в Тихий Свод. Старший Тихон встретил младшего у ворот, не удивившись встрече. Он уже прожил один из вариантов их будущего, остался в мире памяти и успел стать частью его устройства. Там не было кладбища. Если о человеке продолжали помнить достаточно подробно, он мог возвращаться после смерти. Улицы носили имена людей, архивы были важнее электростанций.

В библиотеке хранились книги о днях, которые не случились в нынешней истории. Тихон нашёл рассказ о Мире, отказавшейся улетать на Марс. Она стала земным врачом и спасла женщину, которой он никогда не встречал. Рядом лежала книга о Нине, которая не вошла в шлюз станции. Их семья была счастливее в одни дни, несчастнее в другие. Невозможно было сложить все удачные страницы разных книг и назвать результат реальной жизнью.

Старший Тихон попросил младшего не читать собственный финал. Не потому, что он ужасен, а потому, что написан в одной версии, где каждое следующее решение принимал уже другой человек. Младший закрыл книгу. На полке рядом стояла история Свода, в которой библиотека горела. Старший не спрятал её: даже мир, хранящий всё, обязан знать о возможности утраты.

Глава 42. Цена памяти

Сначала возвращение умерших казалось милосердием. Потом архивы стали распределять место. Об известных людях помнили многие; неприметному жителю приходилось рассчитывать на семью. Появились фонды памяти и платные гарантии: за взнос человека обещали хранить в рассказах, пока существуют книги. Бедные получили более дешёвые тарифы с мелким условием: после нескольких лет записи сокращают до общих сведений.

Ада спросила, что происходит с человеком, которого помнят лишь как «хорошего соседа». Хранительница архива признала: такая память может вернуть только удобный образ. Однажды после восстановления мужчина не смог рассказать о своей любви к игре на флейте, потому что никто не записал её. Он чувствовал, что недостаёт чего-то важного, но не знал чего.

Тихон записал историю собственных неудач и попросил близких не вычёркивать их ради приличного портрета. Мира засмеялась: для полной версии придётся покупать дополнительную полку. Он согласился и впервые увидел в архиве не обещание бессмертия, а обязанность слушать живого человека, пока он может возразить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.